

РУИ ФАКО

(Бразилия)

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В КАНУДОСЕ

В 1957 г. исполнилось 60 лет со времени «войны в Канудосе» — так назвал бразильский народ героическую и кровопролитную борьбу крестьян за землю в районе местечка Канудос (штат Баия), потрясшую Бразилию в конце прошлого века.

Основное историческое описание «войны в Канудосе» принадлежит перу ее очевидца, видного бразильского революционера-демократа Эуклидеса да Кунья (1866—1909 гг.), опубликовавшего в 1902 г. книгу «Сертаны»¹. Эуклидесу да Кунья принадлежит заслуга пламенного разоблачения омерзительного преступления, совершенного в Канудосе против народа. Он впервые обратил внимание всей страны на условия жизни тех обездоленных крестьян, которые еще и сегодня влечат жалкое существование в обширных внутренних районах Бразилии. Книга Эуклидеса да Кунья — это не просто описание того, что он видел, а смелое и серьезное исследование, хотя, считая географическую среду определяющим фактором истории, автор «Сертан» не смог вскрыть до конца глубоких причин, вызвавших восстание крестьян Канудоса.

В противоположность Эуклидесу да Кунья современная буржуазная историография Бразилии, враждебно относящаяся к народным движениям, сознательно искажает историю борьбы в Канудосе, утверждая, что в ее основе лежал религиозный фанатизм крестьян. Так, бразильский историк Ж. Пандиа Каложерас в своих исследованиях неоднократно повторяет, что Канудос был не что иное, как «редут фанатиков». «Сертанский фанатизм» — так прямо называется посвященная Канудосу глава в одном из последних изданий его работы «Историческое формирование Бразилии»². Эта же версия повторяется и другими современными буржуазными историками. Наиболее плодовитый из них, Педро Калмон, просто оскорбил память отважных крестьян, написав в своей книге «Социальная история Бразилии», что в Канудосе «находилось сборище черни сертан»³. В другой своей работе — «История бразильской цивилизации» — Калмон повторил ложь о том, что в Канудосе происходил всего-навсего «конфликт на религиозной почве, вызванный варварством жителей сертан»⁴. Если уж говорить о варварстве, то здесь налицо явная фальсификация, ибо неслыханные зверства совершали как раз те, кто напал на Канудос, т. е. правительственные войска.

Официальная версия, предназначенная для распространения за границей, также объясняет героическое сопротивление крестьян Канудоса «фанатизмом». В недавно опубликованной в журнале ЮНЕСКО статье о «войне в Канудосе» ни слова не говорится о ее социальных причинах. Упоми-

¹ E. da Cunha. Os Sertões. Rio de Janeiro, 1902. Сертаны — своеобразная бразильская лесостепь.

² J. Pandia Calogeras. Formação Histórica do Brasil. 1945, p. 389.

³ P. Calmon. História Social do Brasil, t. 3. 2a. ed. São-Paulo, p. 68—70.

⁴ P. Calmon. História da Civilização Brasileira. 4a. ed. 1940, p. 345.

нается лишь, что руководитель восставших крестьян Антонио Конселейро был «чудотворцем», а Канудос представляют как цитадель «фанатизма»⁵.

В таком же духе историю «войны в Канудосе» преподают и в школах Бразилии. Например, в официальном учебнике для вступительных экзаменов в гимназию написано, что правительство Пруденте де Морайса прославилось в результате кампании против Канудоса во главе с «фанатиком Антонио Конселейро»⁶.

Итак, крестьян Канудоса объявляют «фанатиками». Подобное объяснение всегда было наиболее удобным для историков господствующих классов, отказывающихся видеть в героической борьбе в Канудосе высшую степень возмущения крестьян угнетением со стороны латифундистов.

* * *

Концентрация в сертанах штата Баия большого количества бедных крестьян, которые с ноября 1896 г. по октябрь 1897 г. вели в Канудосе вооруженную борьбу за землю, началась в 1893 г. К этому времени прошло уже пять лет с тех пор, как в Бразилии было отменено рабство негров, и четыре года со времени провозглашения республики. Но участь трудящихся, особенно широких крестьянских масс, мало в чем изменилась.

Экономическая структура Бразилии по-прежнему основывалась главным образом на крупной полуфеодальной помещичьей собственности. Власть в стране делили помещики и буржуа, с недоверием относившиеся друг к другу. Первые, лишившись рабов, опасались потерять и свои поместья; вторые, мечтая о создании промышленных и железнодорожных предприятий, о модернизации сельского хозяйства, нуждались в свободных рабочих руках, но боялись закончить с помещичьим землевладением. Широко практиковавшаяся биржевая спекуляция землей — так называемое «энсиляменто» — временно примиряла и объединяла их.

Торговые, банковские, промышленные, железнодорожные общества множились в Бразилии изо дня в день. Временное республиканское правительство пускало в обращение все новые и новые массы бумажных денег, вызывая небывалую за всю историю страны денежную инфляцию. Возникали фантастические по тем временам проекты. Лишь по концессиям, предоставляемым в 1890 г., предлагалось построить 20 тыс. км железных дорог, т. е. увеличить втрое железнодорожную сеть страны. При этом правительство гарантировало строителям высокие проценты. Только за один год после провозглашения республики в Рио-де-Жанейро были основаны 33 банка и 241 различное предприятие. За какой-нибудь день спекулянты без труда наживали целые состояния.

Но все это продолжалось недолго. С установлением в конце 1891 г. диктатуры маршала Флориано Пейшоту совпало массовое банкротство частных предприятий и ухудшение экономического и финансового положения страны. Рушилась биржа: акции, котировавшиеся накануне в 800 мильрейс, продавались на следующий день за 160 мильрейс. Ценные бумаги многих банков даже не находили себе покупателей. Торговые, сельскохозяйственные и промышленные общества лопались, как мыльные пузыри. Положение осложнялось мятежами, вспыхивавшими в различных штатах с 1893 по 1895 г.

Слабая и запоздавшая в своем развитии бразильская буржуазия, с одной стороны зависевшая от английских займов, а с другой теснимая полуфеодальной системой латифундий, на которую она не осмеливалась поднять руку, оказалась бессильной перед лицом экономического краха. Она трусливо отреклась и от решительной борьбы за дальнейшие социально-экономические и политические преобразования.

⁵ «Курьер ЮНЕСКО», март 1957.

⁶ A. Marinho. Admissão an Ginásio. 37a. ed. Rio de Janeiro, 1952, p. 316.

Неизбежным результатом отказа буржуазии от «исторических республиканских идеалов» был ее открытый компромисс с латифундистами, примирение с остатками феодализма. «Страна отменяла от себя французские догмы... Уходит республика в теории, республика, которая не была осуществима, и требовательно надвигается республика, которую мы можем иметь»⁷, — писал Калмон, умалчивая о том, что эта республика означала республику феодально-буржуазного компромисса с явным преобладанием латифундистов.

Этот компромисс дорого обошелся народу. Вся тяжесть растущих трудностей падала на плечи трудящихся, еще сильнее понижая и без того мизерный жизненный уровень народных масс. С 1888 по 1890 г. цены на продукты питания поднялись на 62%, с 1891 по 1894 г. они выросли еще на 118%, причем их рост продолжался и в последующие годы. Основные тяготы выпали на долю крестьян. Сельскохозяйственное производство в некоторых районах (там, где преобладал ранее рабский труд) было совершенно дезорганизовано, многие фазенды разорены.

Сокращалось производство зерновых, которые, наряду с сахарным тростником, были важнейшими культурами северо-восточных штатов Бразилии. Ввоз кукурузы из-за границы с 1891 по 1895 г. увеличился с 60 тыс. мешков почти до 1 млн., а цена на нее поднялась с 5 до 17 мильрейс. В равной мере выросли закупки риса и фасоли. Одновременно резко упал вывоз сахара. За период с 1891 по 1900 г. его экспорт сократился на 30% по сравнению с предыдущим десятилетием. С середины до конца века доля северо-восточных штатов в экспорте страны упала с 31,87% до немногим более 13%. В частности, доля штата Баия, где произошло крестьянское восстание, уменьшилась с 14,3% в 1857 г. до 5,06% в 1897 г.⁸

В 1896 г. впервые испытал кризис перепроизводства главный продукт бразильского экспорта — основа всей экономической жизни страны — кофе. Резко упали цены на него, накопились излишки кофе, не находившие сбыта. Вся колониальная и полуфеодальная экономика страны была потрясена. Этот кризис резко ограничил миграцию бедных крестьян с Северо-Востока на Юг, которой, впрочем, уже до этого был нанесен чувствительный удар растущим притоком свободных рабочих рук из Европы. Наплыв иностранных иммигрантов, почти не имевший места в 70-х годах XIX в. (менее 50 тыс.), превысил 260 тыс. в следующем десятилетии и вырос до 650 тыс. в 90-х годах. Это значительное увеличение числа свободных рабочих рук сильно сказалось на развитии экономики страны. Оно повлияло на отмену рабства в 1888 г., прервало внутренний миграционный поток. В последнем десятилетии XIX в. крестьяне, покидавшие разоренные фазенды Северо-Востока, уже не могли больше так легко находить работу на кофейных плантациях в штатах Сан-Паулу и Рио, как это было раньше.

В 1896 г., т. е. с началом вооруженной борьбы крестьян в сертанах Баия, выходявшая в Рио-де-Жанейро газета «Jornal do Comercio», выражая страх господствующих классов перед ростом народного недовольства, писала: «Говорить об этой стране, не производящей достаточного количества продуктов первой необходимости для питания населения, нуждающейся в их ввозе из-за границы при почти запретительных пошлинах, это все равно, что сказать: голод! голод! А когда голод коснется всех, поздно будет кричать о помощи, — наступят ужас и всевозможные трагедии». Газета предостерегала против возможных социальных потрясений вследствие «всеобщего бедствия» и патетически заключала: «Нужно, чтобы правительство вспомнило, что голод слеп и его ужасные последствия могут оказаться непредвиденными»⁹.

⁷ P. Calmon. História Social do Brasil, t. 3, p. 67—68.

⁸ «Boletim Comemorativo da Exposição Nacional de 1908». Rio de Janeiro, 1909, p. 109.

⁹ «Jornal do Comercio», Rio de Janeiro, 1896.

Хозяева крупных фазенд и их идеологи всегда считали бразильского крестьянина простым рабом или крепостным и приравнивали его обычно к вьючному животному. Так, один агроном из Баиа откровенно рассуждает в своей диссертации о том, что болезни крестьян, так же как и рабочего скота, «не представляют значительного препятствия для хорошо управляемой собственности»¹⁰. И не только болезни, но также голод и нужда во всех их проявлениях рассматривались хозяевами крупных фазенд и их представителями в правительстве, парламенте и печати как нормальное явление в жизни деревенских тружеников. Единственно в чем помещики были заинтересованы, — это в сохранении латифундий и ненавистных народу привилегий.

Даже мелкая земельная собственность подвергалась нападкам латифундистов, боявшихся, что их поместья пострадают от ее существования. «Сельское хозяйство в нашей стране, — говорил, например, член парламента Жозе Бонифасио, — имеет право на внимание к нему; но при наличии мелких собственников его превосходительство [министр сельского хозяйства] не обеспечит рабочими руками хозяев фазенд в Бразилии. Одной из надежных гарантий порядка в этой стране является земельная собственность»¹¹.

Помещики стремились превратить страну в единую латифундию, в царство полуфеодальной эксплуатации и безграничного угнетения неимущей крестьянской массы. Земельной собственностью, по их мнению, могла быт лишь крупная собственность, являвшаяся «гарантией порядка» и означавшая монополию меньшинства на землю. «Порядок» — это было безраздельное господство латифундистов, само существование которых как класса обуславливалось наличием массы безземельных крестьян.

Лишь отдельные просвещенные и предусмотрительные люди Бразилии предупреждали об ужасных последствиях дальнейшего сохранения латифундий и крепостной зависимости крестьян. «Так называемая крупная собственность, — писал пламенный борец за освобождение рабов Жоаки́м Набу́ко, — требует выгодных для нее железнодорожных тарифов, организуемых правительством выставок кофе, освобождения от всех и всяких прямых налогов, азиатской иммиграции и такого закона о найме рабочей силы, который превращал бы колона — немца, англичанина или итальянца — в белого раба. Все население страны должно быть подвергнуто новому сельскохозяйственному набору»¹².

Набуко процитировал следующее заключение комиссии, назначенной правительством для изучения состояния земледелия в Баиа: «Старая и порочная система сесмарий [крупных земельных пожалований] и права владения привели к тому, что почти вся земля оказалась занятой относительно незначительным количеством лиц, которые не обрабатывают ее и не соглашаются на то, чтобы она обрабатывалась, тогда как «свободное» население, работающее на земле «по милости ее хозяев», живет в состоянии постоянной зависимости... Над всем населением наших внутренних районов как на окраинах столиц, так и в пустынных равнинах сертам тяготеют пагубные последствия рабовладельческого строя — зависимость, нищета, невежество, подчинение производу власть имущих»¹³.

Всякая попытка подорвать «священную» монополию на землю наводила ужас на господствующие классы, особенно если речь шла о каком-либо вооруженном движении в деревне. Нужно было скрыть подлинные причины борьбы крестьянства за землю, исказить ее действительные цели. Поэтому на протяжении всей истории Бразилии господствующие классы пытались опорочить с самого зарождения эту борьбу, представив ее про-

¹⁰ C. Campos. Capital rodante da propriedade agricola. Tese à Imperial Escola de Agronomia da Bahia. Bahia, 1887.

¹¹ «Discursos parlamentares». Rio de Janeiro, 1880, p. 99.

¹² J. Nabuco. O Abolicionismo. São-Paulo — Rio de Janeiro, 1938, p. 182—183.

¹³ Ibid., p. 147—148.

сто как бандитские действия. Восстание в деревне либо подавляли одним ударом, либо пытались оттеснить и рассеять сражавшихся крестьян с тем, чтобы лишить их поддержки тех селений, с которыми они были тесно связаны и где они представляли угрозу крупной земельной собственности, и изменить, таким образом, первоначальный смысл борьбы, превратив крестьян в простых налетчиков.

Однако в Канудосе господствующие классы впервые столкнулись с таким положением, когда оплот крестьянского сопротивления находился в центре сертан и пользовался симпатией и активной поддержкой сельского населения. Поэтому, когда разразилась вооруженная борьба крестьян в Канудосе, хозяева фазенд и правительство были не только застигнуты врасплох, но и крайне встревожены. Чтобы лишить эту борьбу социального значения, они сразу же попытались объявить ее не чем иным, как простой вспышкой бандитизма или «религиозным фанатизмом». Чтобы легче было расправиться с восставшими крестьянами и лишить их поддержки всего бразильского народа, правящие круги утверждали также, что борьба крестьян была якобы «антиреспубликанским» движением, преследовавшим цель восстановления монархии и связанным с рабством, отсталостью и т. п.

В действительности же тысячи вооруженных крестьян, защищавших собственную жизнь и боровшихся против чудовищного, векового полуфеодального гнета латифундистов, открыто нарушили самую «священную» из всех привилегий, существовавших с начала колонизации Бразилии европейцами, — монополию на землю в руках меньшинства для эксплуатации большинства. Это и было самым страшным для господствовавшего класса.

* * *

Когда в 1896 г. началась «война в Канудосе», появились тысячи «истолкователей» личности наиболее знаменитого руководителя повстанческого движения — Антонио Конселейро. Его представляли последовательно преступником, мистиком, сумасшедшим, сторонником реставрации монархии, а некоторые — даже человеком, объединявшим все эти качества. Огромную популярность, которой он пользовался среди крестьянских масс, пытались объяснить двояко: или отсталостью сельских жителей, или приписывавшимися ему чудесами, в которые якобы верили его последователи.

Однако нет ни одного свидетельства, что Антонио Конселейро выдавал себя за чудотворца. Он вел жизнь аскета, питаясь, правда, за счет делавшихся ему приношений, но отвергая всякие излишества. Нельзя забывать, что этот человек свыкся с долгими годами бесчисленных лишений. «Он прошел жестокую школу голода, жажды, изнеможения, затаенных страданий и глубокой нужды»¹⁴.

Конселейро происходил из бедной крестьянской семьи, пмевшей небольшое скотоводческое хозяйство в сертанах штата Сеары. Его предки стали жертвой кровавого преследования со стороны одной помещичьей семьи. Когда в 1876 г. Конселейро, побывав до этого во многих других частях Бразилии, впервые появился во внутренних районах штата Баиа, его неожиданно арестовали, обвинив в преступлениях, которых он не совершал, и выслали в родное селение.

После своего освобождения Конселейро вернулся в сертаны Баиа, где он уже пользовался большой популярностью. Конселейро обходил бесчисленные селения Баиа не в качестве какого-то «пророка», а как поденщик-рабочий. У него имелась определенная профессия: он строил церкви, кладбищенские стены, рыл пруды в районах, охваченных засухой. Но одновре-

¹⁴ E. da Cunha. Os Sertões. 13a. ed. Rio de Janeiro, 1936, p. 166.

менно он выступал против гнета и несправедливостей, царивших повсюду, где он бывал. Этим он подрывал влияние духовенства и самих местных властей, за что на него обрушивались новые преследования и угрозы. Сначала Конселейро лишь призывал против своих врагов небесные силы. Но со временем число его последователей росло, и они уже были способны давать более энергичный отпор власти имущим.

Еще в 1886 г. полицейский уполномоченный в Итацикуру сообщил начальнику полиции г. Сальвадора (столица штата Баия), что Конселейро и его сторонники вооружились, «как будто намереваясь вступить в сражение». В следующем году правительство штата Баия довело до сведения министра и государственного секретаря по имперским делам барона де Маморе, что Антонио Конселейро проповедовал «среди населения тех мест, где он бывал, подрывные доктрины, нанося этим большое зло религии и государству, зачастую отвлекая многих от их занятий, увлекая их за собой и внушая им неповиновение законным властям, что постоянно угрожало порядку и спокойствию в сертанах этой провинции»¹⁵.

Главная «подрывная доктрина» Конселейро состояла в призыве к отказу от уплаты долгов. В 1893 г. он сломал в одном из селений внутренних районов штата Баия доски, на которых вывешивались оповещения о сборе налогов, и разложил из них костер на площади.

Борьбой против налогов Конселейро завоевывал симпатии не только крестьянской бедноты, голодной и одетой в лохмотья, но также и мелких собственников — тех, кто, владея клочком земли, едва мог содержать свою семью и был не в состоянии нести налоговые повинности.

«Известность и власть Конселейро,— писала газета «O Paiz», главный печатный орган столицы Бразилии того времени,— возрастают с чрезвычайной быстротой; сопровождаемый своими приверженцами, [он] появился на ярмарке в Мисао-ду-Итапикуру... и стал побуждать народ к отказу от уплаты долгов»¹⁶.

Одно действие дополнялось другим: от сжигания оповещений об уплате долгов Конселейро и его приверженцы перешли к открытому неповиновению и сопротивлению властям. Начальник полиции штата Баия подтверждал этот факт в своих воспоминаниях, заявляя при этом, что конселейристы «препятствовали вооруженной рукой сбору налогов»¹⁷.

Из года в год росла решимость непокорных крестьян. И неизбежное открытое столкновение с «силами закона» не заставило себя долго ждать. Из г. Сальвадора в район, где находились Конселейро и его приверженцы, число которых постоянно росло, был направлен военный отряд. Стычка произошла в местечке Массете: 30 солдат напали на крестьян, надеясь сокрушить их внезапным ударом. Но случилось обратное: солдаты встретили неожиданный и сильный отпор и были обращены в поспешное бегство.

После этого конселейристы не стали ожидать в открытом поле нового нападения правительственных войск. Они отправились в Канудос, в старую разоренную fazenda, которую Конселейро назвал Бело Монте (Красивая гора); ее несокрушимое сопротивление потрясло впоследствии всю страну.

Следует отметить, что борьба в Канудосе не была единичным явлением. Многочисленные очаги восстаний угнетенных крестьянских масс возникали по всей стране от Севера до Юга. В большинстве своем это были стихийные бунты, носившие иногда внешне религиозный характер. Обособленность отдельных групп повстанцев и, как следствие этого, их слабость и уязвимость почти всегда позволяли правительственным войскам быстро одерживать победу над ними. Иногда крестьяне создавали летучие отряды — кангасейрос, действовавшие по всем сертанам. Эти отряды, гро-

¹⁵ «Jornal do Comercio», 6.V.1897.

¹⁶ «O Paiz», Rio de Janeiro, fevereiro de 1897.

¹⁷ A. Milton. Memória apresentada ao Instituto Histórico e Geográfico. Rio de Janeiro, 1902.

мившие усадьбы, нередко превращались впоследствии в группы простых наемников на службе у самих помещиков.

Одним из достоверных свидетельств о масштабе волнений, охвативших деревню в 1897 г., может служить послание губернатора штата Баия центральному правительству. «С самого начала, — писал губернатор в связи с вооруженной борьбой крестьян, вспыхнувшей в Канудосе, — я придерживался твердого мнения не допускать существования и роста столь вредных элементов, призвав их к повиновению законам и законным властям, однако я был отвлечен от этой цели событиями в районе округа Лабрас Диамантинас, центр которого — важный г. Ленсоис — за несколько дней до моего вступления в должность оказался внезапно захваченным группой нарушителей порядка и злоумышленников... тогда как другая подобная группа творила то же самое в процветающем селении Барра-дос-Мендес этого же района»¹⁸. Для борьбы с повстанцами власти штата Баия были вынуждены послать в Лабрас Диамантинас довольно крупный по тем временам отряд в тысячу человек.

«Священной» монопольной собственности на землю, на которой жила власть господствующих классов, стала угрожать, таким образом, серьезная опасность. Хозяева крупных фазенд были весьма встревожены. «Барон де Жеремоабо, — сообщалось в одной телеграмме из штата Баия, — отправляется завтра в Итапикуру, чтобы вывезти оттуда семью и принадлежащие ему ценные вещи, в связи с тем, что он опасается нападения людей Конселейро на свои фазенды»¹⁹.

Другое сообщение из Сальвадора содержало сведения, полученные от «почтенного господина, прибывшего из района Канудоса». Согласно этим сведениям, среди приверженцев Конселейро находились «обитатели сертан — фанатики из корысти, которые направлялись туда, движимые верой в идею коммунизма, столь усердно проповедуемую Конселейро». Далее в этом сообщении приводилась следующая многозначительная цифра: «Число фазенд, захваченных конселейристами во всей округе, достигает 60»²⁰.

Таким образом, снова встал извечный вопрос о земле: быть ей владением меньшинства и орудием угнетения или же принадлежать тем, кто, надрываясь, обрабатывает ее, и служить делу освобождения.

Во время кампании в Канудосе этот вопрос был узловым, тесно связанным с исходом военной борьбы. Когда правительственные войска терпели одно за другим поражения в борьбе против восставших крестьян, хозяева крупных фазенд — не только по соседству с Канудосом, но и в других местах — дрожали от страха перед перспективой потерять свои владения. «Все готовят свои фазенды, чтобы быть в состоянии дать отпор небольшим группам фанатиков; но если эти группы окажутся большими, то неизвестно, какая участь ожидает нас», — писал в июне 1897 г. перепуганный бразильский помещик²¹.

Действительно, спасение уцелевших во время крестьянского восстания хозяев фазенд в окрестностях Канудоса заключалось в одном — бегстве. У них не оставалось другого выхода, так как они были сообщниками войск, нападавших на крестьян. Это они, хозяева крупных фазенд, укрывали у себя правительственные войска, двигавшиеся на Канудос, предоставляли им тягловый скот для организации снабжения, мясо и зерно для питания. Они были заинтересованы больше других во взятии Канудоса и подавлении «мятежных» крестьян, показывавших столь «плохой пример» всем другим эксплуатируемым.

Для развязывания широких военных действий против крестьян Канудоса был использован нелепый предлог. Утверждали, что Конселейро заплатил в г. Жуазейро деньги за определенное количество леса для по-

¹⁸ «O Paiz», 30.I.1897.

¹⁹ «O Paiz», janeiro de 1897.

²⁰ Ibidem.

²¹ «O Paiz», 6.VI.1897.

строек в Канудосе. Говорили также, что, так как купленный материал якобы не был выдан Конселейро, он намеревается взять его силой оружия. Слух об этом распространялся все больше и вызвал страшную панику. Тогда власти г. Жуазейро обратились за помощью к правительству штата Баия, которое и направило против крестьян Канудоса в ноябре 1896 г. первый отряд регулярных войск. В этом отряде под командованием лейтенанта Пиреса Феррейры было немногим более ста человек.

Крестьяне Канудоса не стали ждать нападения у себя дома, а вышли навстречу солдатам. Столкновение произошло в местечке Уауа, где войска остановились на ночлег. Крестьяне захватили их врасплох. Хотя официальные сообщения и представляли первое столкновение с крестьянами как победу правительственных войск, на самом деле «победители» позорно бежали, пытаясь оправдать свое отступление значительным численным превосходством противника. Крестьян «было, примерно, около пяти-сот., — писал позднее начальник отряда, — они были разбиты на несколько групп, стремившихся обойти наши силы и захватить лагерь»²².

Характерно, что уже в первом сражении крестьяне применили стратегию окружения врага с целью его полного уничтожения. К этой стратегии они стремились прибегать всегда, когда это позволяли условия, и в дальнейшем.

Однако этот первый успех крестьян обошелся им весьма дорого. Согласно имеющимся данным, потери повстанцев превысили в 10 раз потери нападавших на них войск. Помимо большой разницы в вооружении, это объяснялось еще и тем, что крестьяне атаковали врага без необходимой осторожности, легко становясь мишенью для его огнестрельного оружия. В то же время сами они могли поражать солдат из своих ружей, пригодных лишь для охоты на птиц, холодным оружием и дубинками только с близкого расстояния.

Но печальный урок пошел крестьянам Канудоса на пользу. В дальнейшем, если не имелось достаточно прочных позиций в горных ущельях или траншеях внутри Канудоса, излюбленной тактикой крестьян стало нападение на врага небольшими группами, число которых зависело от условий местности и важности выполнявшейся задачи. При этом они осуществляли обход противника, атаковали с флангов и с тыла, устраивали засады в мелколесье — «каатинга», максимально используя фактор внезапности и все преимущества, создаваемые рельефом местности. Ведь на Северо-Востоке Бразилии «каатинга» — это «неподкупный союзник восставших обитателей сертан. Она тоже участвует в борьбе, вооружается для боя, нападает. Переплетаясь, она встает непроходимой стеной на пути пришельца, но она же открывается тысячами троп перед местным жителем, который здесь родился и вырос»²³.

Центр восстания — Канудос — был расположен в местности, весьма удобной для той партизанской борьбы, которую вели крестьяне. Он представлял собой поселок более чем из 5 тыс. домов, беспорядочно раскинувшихся на нескольких холмах, каждый из них имел большое тактическое значение.

Все дороги, ведущие в Канудос, пролегали по обрывистым ущельям в цепях гор, которые его окружали: Канабрава, Кокоробо, Калумби, Камбайо, Кайпан. Далее следовали полупустынные местности. Ближайшая железная дорога проходила в Кеймадас и находилась почти в 200 км от Канудоса. Это расстояние приходилось преодолевать пешком или верхом, что затруднялось к тому же почти полным отсутствием по пути городов и даже крупных селений, а также засушливостью района. Войска, действовавшие против Канудоса, испытывали поэтому огромные трудности в снабжении. Сальвадор — место сосредоточения солдат и снаряжения — находился почти в 600 км от центра крестьянского восстания.

²² A. Milton. *Memória...*, p. 36.

²³ E. da Cunha. *Os Sertões*, p. 239.

Пока правительство готовило новую вооруженную экспедицию против восставших, число обитателей Канудоса непрерывно росло. Крестьяне соседних штатов покидали фазенды помещиков, где они жили как полукрепостные, или же распродавали свое скудное имущество и отправлялись искать прибежища в Бело Монте — городе, основанном Конселейро.

Согласно достоверным свидетельствам, у обитателей Канудоса, по крайней мере во время вооруженной борьбы, существовал своеобразный примитивный коммунизм: у них сохранялась «личная собственность на движимое имущество и на дома и установлена была абсолютная общность земли, пастбищ, стад и недостававших продуктов земледелия; владельцы последних получали малую долю, отдавая остальное обществу»²⁴.

В Канудосе у крестьян имелись кузницы, где изготовлялось и ремонтировалось их примитивное вооружение: серпы, ножи, палки погонщиков с железными наконечниками, секиры. Восставшие сами же делали для себя порох.

Для всякой работы находились люди, готовые трудиться добровольно и самоотверженно. В разгар вооруженной борьбы, пока здоровые мужчины сражались, женщины ухаживали за посевами и скотом.

Порядок, царивший в этом городе, число жителей которого достигало 25—30 тыс. человек, не оставлял никаких сомнений в наличии прекрасно налаженной администрации, соответствовавшей уровню социального развития населения, его потребностям и в особенности задачам организации стойкой обороны. «Чрезвычайно редкими были преступления и ссоры, виновников которых Конселейро неумолимо наказывал изгнанием... Алкогольные напитки были строго запрещены»²⁵. Сурово преследовались воровство и грабежи. Повиновение порядку и дисциплине доходило до того, что оставались абсолютно нетронутыми грузы вражеских обозов, на которые нападали крестьяне. Мясо, муку, зерно и даже деньги оставляли лежать там, где они были брошены. Очевидно, натуральное хозяйство Канудоса не нуждалось в дополнительном снабжении за счет противника. Однако разрешалось уносить с собой оружие и боеприпасы, захваченные не только у убитых солдат, но и у погонщиков.

Строгий запрет воровства и грабежа преследовал цель оградить от них близлежащие селения, поддержка которых была жизненно важной для боровшихся крестьян. Даже во время своей предсмертной агонии Канудос располагал продуктами и скотом, доставлявшимися из окрестных населенных пунктов.

Менее чем за три года Канудос превратился в настоящий город с населением большим, нежели во многих других пунктах, официально считавшихся городами. Дома его жителей были первоначально простыми однокомнатными хижинами с глиняными стенами и соломенной крышей. В периоды затишья между военными экспедициями против Канудоса эти жилища улучшались, возводились более прочные дома с деревянными стенами, обмазанными глиной, и крытые черепицей. Новая церковь, построенная Конселейро, с ее внешними стенами 80-сантиметровой толщины и возвышавшимися гранитными башнями, стала настоящей крепостью.

К городу примыкали зеленеющие посевы маниока, кукурузы, фасоли, картофеля; пастбища со стадами коров и главным образом коз и овец. В Канудосе наладилась внутренняя торговля основными продуктами. Был установлен также нормальный обмен товарами с соседними старыми населенными пунктами, такими, как Жеремоабо и Монте Санто.

Движение крестьян Канудоса, как и всякая народная борьба, выдвинуло своих вождей. В первых же стычках с правительственными войсками сразу отличились самые смелые и сообразительные бойцы — партизанские командиры. Каждый из них исполнял обязанности, определившиеся

²⁴ E. da Cunha. Os Sertões, p. 191.

²⁵ Tenente Macedo Soares. A. Guerra de Canudos. Rio de Janeiro, 1903, p. 36.

в ходе самой крестьянской войны. Имелись руководители военных операций. Люди, ответственные за набор и подготовку новых бойцов, ответственные за администрацию и т. п.

Все подступы к Канудосу бдительно охранялись партизанскими отрядами. Дороги на Кокоробо и Уауа находились под наблюдением сторожевых пикетов. Охранение на склонах Канабрава было доверено одному из наиболее известных приверженцев Конселейро — Пердао. Другой стойкий воин, Эстевао, руководил сторожевым отрядом на хребте Камбайо. В Анжику, где проходила еще одна дорога, располагалась группа партизан под командованием Жоакима Транкапеса.

Помимо этих командиров отрядов, в Канудосе и в его округе пользовались всеобщей известностью ближайшие сподвижники Конселейро: любящий бойцов Антонио Фогетейро, организатор летучего отряда разведчиков Чико Эма и др. Контроль за порядком внутри города, с каждым днем все более строгий, лежал на личном доверенном Конселейро — Антонио Беато, своего рода начальнике полиции, стремившемся выведать все, «наблюдая, ловко проникая в дома, обследуя все уголки лагеря»²⁶. О существовании в Канудосе хороших лекарей свидетельствовало неизменно удовлетворительное санитарное состояние города, даже в условиях полного окружения и ежедневных артиллерийских обстрелов.

Очевидно, что при столь тщательном распределении обязанностей должно было существовать централизованное военное командование. В противном случае были бы невозможны столь совершенное расположение и взаимодействие сил на основных участках и в решающие моменты борьбы.

Кому же было доверено верховное командование операциями?

Всех вновь прибывавших в Канудос встречал Жоао Абаде, известный под кличкой «уличный командир». Жоао Абаде осуществлял «абсолютный контроль, распространявшийся на окружающие районы в радиусе 5 лиг (30 км), подвергавшиеся постоянному обследованию быстрыми рейдами патрулей. Ему подчинялись беспрекословно»²⁷. Никто не мог прибыть в Канудос без ведома Абаде даже во время передышек между нападениями правительственных войск. Как писал лейтенант Маседо Соарес, Жоао Абаде был «генералом фанатических когорт»²⁸.

Одним из основных руководителей полевыми военными операциями в решающий период борьбы в Канудосе, судя по всем данным, был выдающийся крестьянин-партизан Пажеу.

Пажеу выдвинулся в первые дни борьбы. Это он предпринял дерзкое преследование разгромленной второй военной экспедиции под командованием майора Фебронио де Брито, посланной федеральным правительством против Канудоса в декабре 1896 г. Разбитые на подступах к Канудосу, у хребта Камбайо, хорошо вооруженные и снаряженные войска Фебронио, насчитывавшие 550 человек, оказались обойденными с фланга партизанами Пажеу. Партизаны стремились не только уничтожить солдат, но и захватить у них оружие и снаряжение, что им и удавалось. В Бенденго-де-Байшо, в шести лигах от Канудоса, Пажеу приказал предпринять завершающую атаку — на этот раз против пушек. Потерпевший полное поражение майор правительственных войск вынужден был впоследствии засвидетельствовать отвагу и бесстрашие партизан, заявив: «Ни я, ни мои товарищи никогда не видели такой ярости! Они умирали, как пантеры, с развороченными внутренностями, впившись в дула орудий... У всех у них было огнестрельное оружие, хорошие, остро наточенные ножи, висевшие на запястьях дубинки»²⁹.

²⁶ E. da Cunha. Os Sertões, p. 202.

²⁷ Ibid., p. 310.

²⁸ M. Soares. A Guerra de Canudos, p. 38.

²⁹ «O Paiz», 1. I. 1897.

Военный талант Пажеу ярко проявился и при дальнейшей обороне Канудоса, в которой он играл все более важную роль, руководя партизанской борьбой крестьян. Сравнивая его активное военное руководство с деятельностью того, кто первоначально был верховным вождем восставших крестьян, можно яснее представить истинную роль Антонио Конселейро. Бесспорно, что именно последний объединил бедных крестьян, выразив своей деятельностью в известный момент их недовольство и возмущение. Однако в ходе вооруженной борьбы Конселейро отошел на второй план по сравнению с истинными руководителями крестьянского восстания — теми суровыми людьми, которые не удовлетворялись обещаниями спасения и счастья в царстве небесном, а сражались с оружием в руках, проявляя максимум стойкости и героизма, против своих злейших врагов, защитников крупных помещиков, солдат правительства и латифундий.

Большой и блестящей победой защитников Канудоса был полный разгром посланной против них 3-й экспедиции регулярных войск, возглавлявшейся полковником Морейрой Сезаром. В ее состав входило 1300 человек, артиллерийская батарея и эскадрон кавалерии. Войска были обеспечены в изобилии боеприпасами, рассчитанными на 16 млн. выстрелов.

Первые попытки подавить Канудос правительство пыталось представить как простую «полицейскую акцию». В действительности же в глубинных районах сертан Бразилии никогда еще не видели такого количества войск, предназначенных для «наведения порядка».

Полковник Морейра Сезар был овеян славой героя — он неоднократно участвовал в вооруженной борьбе, в том числе против «федералистов» Риу-Гранде-ду-Сул, беспощадно подавленных им. Пресса господствующих классов создала настоящие легенды вокруг него. 3 февраля 1897 г. Морейра Сезар отплыл из Рио в Сальвадор, откуда сразу же направился в Канудос. Ровно через месяц, 3 марта, он был убит партизанами около цитадели сертанцев. Сменившего его на посту командующего войсками полковника Тамариндо та же участь постигла несколькими часами позже, как и начальника артиллерии капитана Саломео да Роша, чьи пушки были захвачены крестьянами.

Судьба 3-й экспедиции против Канудоса оказалась, таким образом, подобной двум предыдущим. После смерти своих главных командиров солдаты полковника Морейры Сезара стали в страхе отступать. Крестьяне преследовали их, захватывая оружие и снаряжение, брошенные при бегстве на пустынных дорогах сертан.

Крестьяне жестоко отомстили налетчикам. Обезглавив убитых офицеров и солдат, они сожгли тела, выставив затем на обочине дороги их окровавленные головы.

Это был ответ на неслыханные зверства помещиков.

Это было предупреждение врагу, чтобы он больше не появлялся.

Это был знак готовности крестьян отстаивать свое дело любой ценой.

Полное уничтожение столь многочисленных по тем временам и в тех условиях войск, потеря всего вооружения и снаряжения, оказавшегося теперь в руках восставших крестьян, вызвали панику среди господствующих классов Бразилии. Военный министр извещал страну в высокопарных выражениях: «Наше оружие обтянуто крепом». Газета «O Paiz» стала ежедневно сообщать о кровавых событиях в сертанах штата Баия под довольно выразительным общим заголовком — «Катастрофа».

Почти четыре месяца отделяли разгром 3-й и прибытие в Канудос 4-й экспедиции. Восставшие крестьяне использовали это время для военной подготовки: они ежедневно упражнялись в стрельбе, все здоровые мужчины Канудоса учились обращаться с новым оружием — винтовками, захваченными у противника. Опытные разведчики сертанцев были направлены после бегства разгромленной 3-й экспедиции во все окружающие Канудос пункты, где они могли бы собирать сведения о движении вражеских войск.

Ряды восставших выросли за счет присоединения новых борцов. Их дух поднялся еще более в результате побед, одержанных над правительственными войсками. После разгрома 3-й экспедиции сам президент республики был вынужден признать в своем послании конгрессу: «Неудача привела к росту моральной силы мятежников и естественных ресурсов для их борьбы». Воодушевленные своими успехами, крестьяне напряженно готовились к организации сопротивления новому налету правительственных войск, в неизбежности которого они не питали никаких сомнений.

Вооруженные новым и более совершенным оружием, захваченным у 3-й экспедиции, обеспеченные боеприпасами, крестьяне готовились противостоять очередному, еще более яростному, как они предвидели, штурму их оплота. В самом деле, ведь сначала они разгромили полицейский отряд в 30 человек, затем последовательно разбили регулярные войска численностью в 100, 550 и 1300 человек. После стрельбы простого карабина они узнали огонь современных винтовок, пулеметов, пушек. Вслед за разгромом отряда войск под командованием лейтенанта они нанесли поражения майору и, наконец, прославленному полковнику. Следовало ожидать, что теперь им придется столкнуться с генералами.

Действительно, по всей стране происходила мобилизация сил для 4-й экспедиции против Канудоса. В штаб Баиа прибывали войска (как армейские подразделения, так и отряды военной полиции, пехота, кавалерия, артиллерия) почти из всех штатов Бразилии. Военные корабли вставали на якорь в г. Сальвадоре.

Вся страна была поставлена под ружье. Первые подразделения, которые образовали 4-ю экспедицию, насчитывали более 4 тыс. человек, разбитых на две колонны, двигавшиеся к Канудосу различными путями. Одной колонной командовал генерал Карлос ду Амарал Саважет, другой — генерал Жоао да Сильва Барбоза. Экспедицией в целом командовал генерал Артур Оскар. В ходе операций во внутренние районы штата Баиа было послано еще более 4 тыс. человек подкреплений.

Сам военный министр Бразилии маршал Карлос Машадо Биттенкур отправился в сертань, где счел, однако, более благоразумным остановиться на операционной базе в Монте Санто, в 15 лигах от театра военных действий.

Вся Бразилия жила событиями в Канудосе.

Захватить врасплох врага и не дать застигнуть врасплох себя — такова была основа всей тактики защитников Канудоса. Именно эта тактика давала большое преимущество восставшим крестьянам над противником, превосходившим их в живой силе и технике.

Неожиданные засады, неожиданно умелое использование крестьянами оружия, захваченного у нападавших, сама неожиданность неодолимого сопротивления восставших — все это подавляло дух правительственных войск, изматывало их день за днем, лишало самих генералов веры в победу даже тогда, когда экспедиционные силы намного превосходили силы защитников расположенной в сертанах цитадели.

Свидетельством этого может служить приказ, отданный при движении на Канудос генералом Оскаром, в котором он стремился настроить солдат и офицеров таким образом, чтобы они воспринимали без паники ожидавшие их многочисленные трудности в борьбе с крестьянами. «Я не скрываю от вас, — говорил генерал, — что через 11 лиг враг начнет нападать на нас, атакуя с фронта, с тыла и с флангов среди этого злосчастного леса, где узкие тропинки не дают возможности выставить боковое охранение. Завалы на дорогах, траншеи, всяческие неожиданности и все самое гнусное, что есть на войне, будет использовано, чтобы заставить нас отступить»³⁰.

³⁰ «O Paiz», 30.VI. 1897.

Но предупреждения генерала и его смешные жалобы на существование «злосчастных» лесов, защищавших крестьян, не меняли положения. Неожиданные действия партизан по-прежнему заставляли экспедиционные войска платить дорогой ценой за каждое продвижение к Канудосу. При первой же попытке продвинуться в направлении к оплоту сертанцев, находясь еще в 10 лигах от конечной цели, войска 4-й экспедиции столкнулись с засадами, всяческими военными хитростями, неожиданными налетами восставших. Партизаны прятались в кронах самых высоких деревьев, устраивая среди ветвей «гнезда», в которых помещались один или два стрелка. С большим тактическим умением они использовали все складки местности и в особенности хребты в тех местах, где проходили дороги и тропы, по которым вынуждены были двигаться правительственные войска.

При приближении к Канудосу войск 4-й экспедиции в июне 1897 г. Пажеу вновь осуществил такую операцию, которая свидетельствовала о том, что он был одним из главных военачальников. Сперва его местонахождением была фазенда Росарио, к югу от Канудоса. Отсюда он руководил группой партизан, преследуя цель стянуть правительственные войска к месту, где крестьяне смогли бы вести борьбу в наиболее благоприятных для себя условиях. Эуклидес да Кунья следующим образом описывает военную хитрость Пажеу: «Знаменитый партизан, на первый взгляд, вел разведку. Однако на самом деле, как это показали последующие события, он преследовал более глубокую цель: вновь вызвать кошмар залпов и невыносимый форсированный марш, нанесение столь большой вред предыдущей экспедиции. Он сковал войска беглым фланговым огнем, быстро следуя за ними, не выходя из мелколесья. Затем скрылся и появился сразу же впереди. Обрушился стремительным ударом на авангард, роль которого выполнял в тот день 9-й пехотный полк, и в один миг, сопровождаемый несколькими стрелками, вышел вперед, на дорогу. Было невозможно отчетливо различить их. Раздалось несколько выстрелов, и стрелки исчезли».

Новое нападение партизан под командованием Пажеу было совершено на войска до их подхода к Анжику, находившемуся на расстоянии около двух лиг к юго-востоку от Канудоса. Автор «Сертан» рассказывает: «Пажеу координировал действия пикетов, скрытно сменявших друг друга с этого места и до Канудоса, нападал на войска, которые, находясь на обрывистом склоне, превратились в мишень для огня, открытого сертанцами, с трудом различимыми на окраинах леса... Двумя часами позже, при переходе генералом вершины холма, атака неожиданно усилилась... Слабый обстрел, которому подвергались экспедиционные войска до сих пор, непрерывно возрастал по мере того, как они преодолевали подъем, и превратился в конце концов на вершине в яростный ружейный огонь.

Разразилась неравная и жестокая схватка.

Не было видно врага, укрывшегося во всех рвах, засевшего в траншеях — укрытиях, вырытых на боковых склонах, и спрятавшегося в первых тенях надвигавшейся ночи.

Положение было отчаянным [для правительственных войск].

Эуклидес да Кунья так завершает описание этой операции храбрецов Пажеу: «Их хитрость взяла верх. Экспедиционные войска, движимые жадной преследования рассеявшегося впереди, убегающего противника, опрометчиво, без предварительной разведки, углубились в незнакомую местность, следуя, сами того не ведая, за хитрым и грозным проводником Пажеу, которого они не принимали в расчет. И все они попали в засаду...»³¹.

Пажеу был человеком героических дел. Когда под Канудосом, уже почти полностью окружив его, находилось 6 тыс. солдат, в распоряжении которых было 20 орудий, отличные пулеметы и самые совершенные вин-

³¹ E. da Cunha. Os Sertões, p. 396—397.

товки, полностью обеспеченные боеприпасами, когда, наконец, правительственные войска уже ни в чем не испытывали недостатка для того, чтобы предпринять завершающую атаку на опорный пункт восставших, Пажеу осуществил еще один из своих самых отважных подвигов. Раньше он руководил действиями партизан на трудных позициях в окрестностях Канудоса, успешно организуя там засады против вражеских войск и обозов, двигавшихся на цитадель сертанцев. Теперь Канудос был окружен, здесь завязывалась решающая схватка, определялся исход борьбы. И здесь было место Пажеу.

После провала мощной атаки противника 18 июля 1897 г. Пажеу не стал ожидать, что предпримет дальше осаждающий враг, которому пока не удалось достичь своей цели: вырвать окончательную победу сокрушительным штурмом. Выжидать действий врага было не в правилах у отважного партизана. И вот 24 июля Пажеу предпринял смело задуманный бросок, направленный против наиболее слабого звена в линии вражеских войск, смыкавшейся вокруг Канудоса и угрожавшей задушить в огненном кольце крестьянское сопротивление. После ожесточенного обстрела, предпринятого артиллерией правительственных войск, началась еще одна жаркая схватка, но на этот раз по инициативе крестьян. Экспедиционные войска были внезапно атакованы защитниками Канудоса одновременно с фланга и с тыла с целью поставить эти войска между двух огней. На правом фланге снова был совершен налет на орудия, обстреливавшие Канудос.

Удар партизан Пажеу был столь сильным, что три генерала, стремясь изо всех сил отстоять свои позиции, отдали приказ привести в боевую готовность все войска. В какой-то момент положение 4-й экспедиции стало угрожающим, и лишь с большим трудом правительственным войскам удалось сдержать стремительный натиск повстанцев.

Эта смелая операция, предпринятая в конце июля, стоила жизни выдающемуся крестьянскому вождю Пажеу. Его личный героизм был выражением героизма всех защитников Канудоса, героизма, побуждавшего крестьян бесстрашно противостоять врагам, намного превосходившим их по численности и прекрасно вооруженным, в том числе двумя десятками пушек, которых раньше никогда не видели в столь глубоких сертанах Северо-Востока Бразилии.

Когда началась борьба, генералы правительственных войск были уверены, что один лишь грохот артиллерии обратит повстанцев в массовое бегство. Но произошло непредвиденное. Не будучи в состоянии противостоять пушкам столь же успешно, как и пехоте, крестьяне с самого начала борьбы стремились вывести орудия из строя. Поскольку они не могли сделать это с помощью своего оружия, они пытались достичь своей цели в рукопашном бою и бесстрашно нападали на артиллерийские позиции врага.

Героически сражаясь за землю и свободу, крестьяне наносили тяжелый ущерб правительственным войскам. Драматическая битва 18 июля, представленная в военной сводке как победа правительственных войск, была по крайней мере «злополучной победой», как определил ее Эуклидес да Кунья. Из 3500 солдат и офицеров, брошенных в этот день на штурм цитадели восставших, более тысячи было выведено из строя. Защитники Канудоса доказали, что они столь же умело могут вести окопную войну, как и партизанские действия в лесистой местности. Они встретили штурмующих «концентрированным ружейным огнем, разя их меткими выстрелами в той настоящей охоте на людей, в которой они доказывали свое мастерство»³². В результате правительственные батальоны, насчитывавшие более чем по 400 солдат и офицеров, потеряли в тот день по 100—150 человек, а некоторые даже до половины своего состава. Ряды кавалерии поределели вдесятеро. Лишь в одном из батальонов было убито 6 и ранено 4 офицера. Всего в тот день было выведено из строя 67 офицеров;

³² M. Soares. A Guerra de Canudos, p. 201.

27 из них было убито. Многие подразделения остались фактически без командиров.

Если потери во фронтовых боях были столь велики, то они, очевидно, не могли быть меньшими и в результате стычек и засад, организованных крестьянами, когда последние выбирали лучшие позиции, навязывая бой в выгодных для себя условиях и поэтому одерживая верх.

Особое внимание в ходе боев противники уделяли перевалам в непосредственно окружавших Канудос горах. Конселейристы потеряли позиции на хребте Камбайо лишь в сентябре 1897 г., т. е. за несколько дней до того, как кончилась борьба в самом Канудосе. Даже понеся значительные потери в результате вражеского приступа 18 июля, они еще в августе продолжали прочно удерживать перевалы через Кокоробо, по которым шли подкрепления и обозы правительственных войск, направлявшиеся из операционной базы Монте Санто.

На этих перевалах крестьяне, числом не более 300, задержали 25 июля 1897 г. на несколько часов продвижение всей 2-й колонны 4-й экспедиции — 2350 человек и батареи из 17 крупновских орудий. Лишь через пять часов войска смогли перейти хребет, заплатив, однако, за это ценой катастрофических потерь: 178 человек было убито и ранено, причем в числе раненых оказался и сам генерал Саважет, командующий колонной. Впоследствии он утверждал, что не может допустить, «чтобы две или три сотни бандитов столько времени задерживали продвижение 2-й колонны»³³. Тем не менее остается фактом, что крестьяне это сделали.

По прибытии на Кокоробо правительственной артиллерии ей был отдан приказ открыть огонь по горе. Однако это был слепой обстрел, бесполезный огонь по камням. Между тем стрельба невидимых партизан стала более интенсивной. Тогда командование войск приняло решение предпринять штыковую атаку, т. е. заставить солдат пойти на новые жертвы. 1700 пехотинцев были брошены в наступление на хребет. Но крестьяне не бежали и от штыковой атаки. Они героически сражались с наступавшими солдатами, избирая для борьбы лучшие позиции. Лишь когда положение восставших стало, наконец, критическим, они прибегли к помощи своего могучего и неодолимого союзника — леса. Но и тогда крестьяне не позволили, чтобы потеря ими выгодных позиций дала передышку врагу: они продолжали наносить удары по войскам вплоть до самого Канудоса.

Бои при Кокоробо показали, что крестьяне преследовали определенные цели, охраняя с таким упорством горные проходы. Они стремились максимально задержать продвижение 4-й экспедиции, заставить экспедиционные силы израсходовать до подхода к Канудосу возможно большее количество боеприпасов, предотвратить или затруднить доставку продовольствия и подкреплений войскам, которые смогли бы подойти к Канудосу.

Стремительность действий партизан была сама по себе ужасной войной нервов для тех, кто на них нападал. Ходили даже легенды о том, что защитники Канудоса были оборотнями: убитые в предыдущих боях, они будто бы воскресали и появлялись вновь как неосязаемые призраки перед солдатами новой экспедиции. Месяц спустя после прибытия в Канудос генерал Артур Оскар жаловался на то, что ему не удалось «увидеть ни одного живого мятежника». А в телеграмме военному министру он «спрашивал офицеров, служивших ранее в Парагвае, Нитерое, Рио-де-Жанейро и Риу-Гранде-ду-Сул, видели ли они когда-либо войну, подобную этой»³⁴. Эта жалоба командующего экспедицией свидетельствовала о том, что партизаны не сдавались в плен и никогда не оставляли своих раненых на поле боя. Так было и в бою при Кокоробо, где не было найдено после сражения ни одного повстанца, хотя крестьяне потеряли убитыми 60 человек.

³³ E. da Cunha. Os Sertões, p. 414.

³⁴ A. Milton. Memória..., p. 110.

Никто не сдавался врагу, даже раненые не должны были попадать в плен — таково было правило защитников Канудоса. Экспедиционные войска не могли сделать и шага в окрестностях Канудоса без того, чтобы их передвижение не было сразу же замечено повстанцами. Для лучшего контроля за противником ночью защитники Канудоса поддерживали связь между одним и другим краем своего расположения с помощью световой и звуковой сигнализации.

В течение длительного времени крестьяне вели наблюдение за передвижением противника из чучела коровы, устанавливавшегося на пастбищах, которые прилежали к дороге, связывавшей правительственные войска с их базой операций в Монте Санто. Результаты наблюдения передавались ближайшей партизанской группе или в Канудос. «Последствия этого шпионажа были губительны для войск на марше, подвергавшихся неожиданным налетам в различных пунктах со стороны одной и той же группы конселейристов»³⁵.

Могучим оружием партизан были смекалка, хитрость и ловушки. Защитники Канудоса стремились использовать все средства, чтобы лишить врага его основного преимущества — силы огня. Для этого недостаточно было препятствовать прибытию обозов с боеприпасами или по меньшей мере наносить им ущерб. Ночью полдюжины крестьян приближались к позициям врага и открывали огонь из своего оружия. Этого было достаточно, чтобы весь лагерь противника стрелял в темноту по пустоте. Не удивительно, что уже спустя немного времени правительственные войска стали ощущать угрожающий недостаток в боеприпасах.

Что же касалось продуктов питания, выдача которых в войсках была нормирована еще в дни продвижения на Канудос, то они также оказались почти на исходе. Лишь раненые, а их число со временем превысило 1200 человек, получали кое-какую пищу. Голодные же солдаты в поисках продовольствия пытались прорываться через партизанское окружение, в котором очутились правительственные войска. Командование запрещало им это, но голод был сильнее угрозы наказания. Солдаты убивали коров и коз, принадлежавших крестьянам Канудоса, искали съедобные корни и кукурузные початки на окрестных полях.

Те места, где можно было найти продовольствие, сразу же превратились в смертельные ловушки для солдат. Крестьяне сгоняли для приманки в одно место нескольких животных, которых затем пытались угнать в свое расположение голодные солдаты, расплачивавшиеся за это своей жизнью.

То же самое происходило при попытках осаждавших обеспечить себя водой. В сыпучем грунте им нелегко было вырыть глубокие колодцы. Поэтому солдатам противника приходилось ходить за водой к берегам реки Ваза-Баррис, где имелись источники. Крестьяне тотчас стали организовывать вблизи них засады. И вскоре илистые воды оказались загрязненными трупами.

Все здоровые жители Канудоса, особенно на последнем этапе борьбы, стали активными защитниками города. Они взялись за оружие или оказывали непосредственную помощь тем, кто сражался с оружием в руках. Замечательные примеры мужества и непоколебимой стойкости перед лицом врага показали женщины. Большинство их предпочло умереть, нежели сдаться в плен.

Примеру старших следовала молодежь. Один 19-летний юноша совершил налет на «мясорубку», орудие типа Висворт-32, наносившее страшные разрушения домикам Канудоса. Другой юноша, участник засады Пажеу, взятый в плен раненым, когда 4-я экспедиция двигалась на лагерь сертанцев и когда, следовательно, всякие сведения были ценными для командования правительственных войск, не проронил ни слова, несмотря на жестокий допрос, которому его подвергли.

³⁵ M. Benício. O Rei dos Jagunços. Rio de Janeiro, 1899, p. 322.

Среди восставших крестьян жила непоколебимая решимость сопротивляться до последнего человека. «И все они, кто мог взяться за какое-нибудь оружие, сражались. Даже дети оказывали им помощь... Женщины и дети, видя, как гибли их товарищи, также брались за оружие и яростно набрасывались на войска... Женщины подбадривали мужей и братьев, чистили им оружие и готовили им скудную еду»³⁶.

Тяжелая жизнь и зверства, которым они подвергались, закалили, как сталь, мужчин, женщин и детей Канудоса.

Своей героической борьбой крестьяне смогли затянуть осаду до крайнего предела сопротивления — до гибели последнего защитника Канудоса. Даже во время последнего штурма цитадели, когда взрывы динамита обрушивались один за другим на хижины из глины и соломы, когда огонь пожирал последние крестьянские жилища, сертанцы все еще вели героическую борьбу за каждый дом. Оставшиеся целыми жилища были превращены в опорные пункты. Для более надежного укрытия их защитников в полу были выкопаны окопы, соединявшиеся ходами сообщения, так что захват одного дома не означал гибели бойца, оборонявшего эту позицию: он пробирался в соседний дом и продолжал сражаться.

Последние моменты сопротивления Канудоса были отмечены одним благородным и благоразумным поступком обреченных на гибель крестьян. Перед командованием правительственных войск неожиданно предстал посланец Канудоса Антонио Беато, или Беатиньо («Блаженненький»). Экспедиционные войска решили, что настал час полной сдачи последних защитников Бело Монте. Беатиньо после короткой беседы с генералом Оскаром возвратился в расположение бойцов Канудоса. Спустя немного времени он привел с собой 300 человек. Однако все это были дети и старики-инвалиды. Крестьяне Канудоса избавили их от страданий и смерти, прежде чем возобновить борьбу, которую они собирались довести до конца.

Эуклидес да Кунья ярко описывает последующие события: «С наступлением сумерек защитники Канудоса могли вздохнуть свободнее.

Они подождали, пока кончится передышка. А когда их сурово оповестили об этом два холостых выстрела, а затем и боевой, они подвергли осаждавших сосредоточенному и решительному обстрелу.

И боролись еще довольно успешно.

По крайней мере заставили противника остановиться...

Канудос не сдался... он сопротивлялся до конца. Захватываемый в полном смысле этого слова пядь за пядью, он пал к вечеру 5-го числа, когда погибли его последние защитники»³⁷.

Конец наступил 5 октября 1897 г. Война, которую вели отважные крестьяне Канудоса, длилась, таким образом, почти год.

В приказе, объявлявшем о прекращении военных действий, командование 4-й экспедиции, выступая от имени господ-латифундистов и их правительства, было вынуждено признать героизм крестьян: «приходится сожалеть, что враг проявил столько отваги в защите таких гнусных дел». «Гнусными делами» были названы здесь смелый разрыв крестьян с полуфеодалным порядком, со зверской эксплуатацией, защита ими своей жизни и свободы.

Во время войны против Канудоса много говорилось о целостности, чести и достоинстве страны, о защите республики. И под прикрытием этих красивых слов совершались самые мерзкие преступления. Во время расправы над крестьянами налетчики дошли до пределов дикости. Они не щадили ни одного пленного, будь то мужчина, женщина или ребенок. Им было все равно, отказывались те или нет говорить на допросах, соглашались или нет выполнять издевательское требование — провозглашать здравицу республике. Всех без разбора ожидал один и тот же

³⁶ M. Soares. A Guerra de Canudos, p. 353.

³⁷ E. da Cunha. Os Sertões, p. 611.

зверский конец — быть связанными, истерзанными и обезглавленными. Затем тела убитых складывались в большие костры и сжигались. Даже разлагавшиеся трупы, в том числе труп самого Конселейро, вырытый из могилы, не избежали обезглавливания.

Восстание в Канудосе было опасной для правящих классов вспышкой народной борьбы, о которой не должно было остаться даже воспоминаний. После того как были истреблены все жители Канудоса, решено было его уничтожить. В последние дни пребывания в далеких сертанах штата Баиа войска безжалостно разрушали город, начиная с фундаментов двух церквей, уже превращенных в обломки непрерывным, длившимся месяцами артиллерийским обстрелом, и кончая крестьянским лазаретом. Все то, что выдержало артиллерийский обстрел, было сравнено с землей при помощи динамита и сожжено. Последним приказом командования правительственных войск было: «Не оставить ни одной палки», которая свидетельствовала бы о том, что здесь находилось место сосредоточения крестьян, восставших против угнетения и нищеты. Ничего, что напоминало бы о прошедшем крестьянском восстании. Расправа должна была быть показательной, чтобы не повторилось больше подобное восстание против крупных помещиков, угрожавшее самой их монополии на землю и покоившемуся на ней порядку.

Господствующие классы остались глухи к раздававшимся протестам против зверств в Канудосе. Молодежь правового факультета университета штата Баиа приняла манифест против официального празднования победы и против «жестокой резни», требуя, чтобы «всеобщее осуждение пало, как молния, на виновных за это смертоубийство». Руководитель буржуазной оппозиции в сенате Руи Барбаза гневно осуждал правительство за акты вандализма в Канудосе. Наконец, Эуклидес да Кунья перед лицом истории поднял свой могучий голос, возвеличив героизм крестьян и заклеив гнусное преступление против Канудоса.

* * *

Исторические факты, обычно скрываемые в силу классовых интересов, свидетельствуют, что в Канудосе, под покровом религиозного мистицизма, окружавшего Конселейро, велась по сути дела крестьянская война против помещичьего землевладения, против страшной нищеты и эксплуатации, порождавшихся и веками поддерживавшихся монополией на землю в Бразилии.

Специфические условия сельского района, где происходили эти события, особенно расположение его в одной из самых бедных областей Бразилии — штате Баиа — и по соседству с пятью другими штатами — Пернамбуку, Алагоас, Сержипе, Сеара и Пиауи, в которых положение населения также было очень тяжелым, привели к возникновению именно здесь одного из самых героических движений бразильского крестьянства.

5 или 6 тысяч крестьянских семей, вынужденных покинуть свою землю по разным причинам, но главным образом из-за угнетения и притеснений помещиков, стремились обеспечить свое дальнейшее существование. В силу условий того времени, изолированные, без определенной перспективы, отсталые, они, пытаясь по-своему положить конец закрепощению, эмигрировали, сосредоточивались в удобной — удаленной от главных центров правительственного аппарата подавления — местности, занимали здесь земли, разрушали помещичьи усадьбы, захватывали города.

Бесспорно, что среди этих забытых и невежественных людей имела место вспышка религиозного мистицизма. Однако это не опровергает того, что они вели классовую борьбу. Те же, кто пытается преувеличить религиозный мистицизм крестьян Канудоса, стремятся скрыть этим действительные причины их беспримерного сопротивления и героического порыва: полуфеодальный гнет латифундий, нищету и голод, являвшиеся резуль-

татом монопольного владения землей меньшинством — кучкой крупных помещиков. Они стремятся также принизить значение мужественного сопротивления крестьян Канудоса подавляющим силам правительства.

Только ли это мистицизм, охватывавший лишь бедных крестьян! Только ли это мистицизм, позволивший превратить в опорный пункт даже церковь, построенную Конселейро, и отвергнувший попытку католической миссии капуцина Жоао Эванжелиста ду Монте Марсиано привести в повиновение восставших! Сам монах признал впоследствии, что Канудос — «это не просто очаг суеверия и фанатизма»³⁸. Ведь крестьяне продолжали сражаться и после смерти Конселейро, вопреки утверждениям, что они боролись, лишь побуждаемые им и вера в его чудеса.

Правда заключается в том, что крестьяне Канудоса жили слишком тяжелой жизнью, чтобы заботиться лишь о душе и спасении на небе. Обстоятельства требовали, чтобы они были хладнокровными и непреклонными по отношению к врагу, иначе они вообще не смогли бы вести борьбу за землю и свободу, за свое существование. Такими они и были в действительности. Они смело вступали в бой с направленными против них войсками и умирали, сражаясь с врагом лицом к лицу.

Одержав целый ряд блистательных военных побед, совершив множество героических подвигов и показав полное пренебрежение жизнью, защитники Канудоса потерпели тем не менее поражение. В силу целого ряда причин они не добились победы, не смогли обеспечить себе право жить свободными от гнета латифундистов, не стали хозяевами земель, обрабатывавшихся ими и политых их потом и кровью.

Одна из этих причин состояла в том, что крестьяне Канудоса даже не попытались распространить огонь восстания на другие районы, использовать симпатию крестьянского населения для того, чтобы вынудить врага раздробить силы, которыми он располагал. Если один Канудос заставил прибегнуть к национальной военной мобилизации и потряс всю страну от края и до края, то несколько таких очагов, как Канудос, превратились бы в катастрофу для господствующих классов.

Другой важной причиной было то обстоятельство, что военная стратегия восставших крестьян не была наступательной стратегией дальнего прицела, которая диктовала бы им необходимость занятия таких, например, важных для ведения длительной борьбы пунктов, как Монте Санто. Впоследствии враг организовал здесь базу для своих операций, но ведь отсюда же он ранее в страхе бежал после разгрома 3-й экспедиции, оставив нетронутыми склады оружия, боеприпасов и продовольствия.

Однако, помимо этих и ряда других серьезных причин, имелась одна основная причина, предопределившая поражение и подавление очага крестьянского восстания. Эта причина заключалась в том, что крестьяне боролись изолированно от рабочего класса, от городского пролетариата. Впрочем, истории еще предстояло преодолеть это препятствие. В конце XIX в. рабочий класс Бразилии только еще формировался. В Бразилии не существовало тогда революционной организации рабочего класса, которая руководила бы также и бедными крестьянами в борьбе против общих угнетателей. А без союза с пролетариатом и его руководства поражение крестьян Канудоса было неизбежно.

Несмотря на свое поражение, восстание в Канудосе является одним из наиболее ярких событий в освободительной борьбе крестьянских масс в Бразилии. Героическое сопротивление Канудоса служит показателем могучего революционного духа крестьянства, показателем огромного значения крестьянского движения в Бразилии, где основную часть трудящихся масс страны составляет сельское население.

³⁸ A. Milton. Memória..., p. 28.

